

П.В. Шлыков
**Вакфы в Османской империи XVIII —
начала XX в.: кризис развития
традиционного института
и пути его «обновления»**

В XIX в. институт исламской социальной благотворительности — вакф — переживал серьезный институциональный кризис, выразившийся в первую очередь в несоответствии его фундаментальных основ целям и задачам модернизации османского общества и государства. Ответом на эти вызовы времени стали, с одной стороны, попытки государства реформировать систему вакфов, а с другой — поиск новой философии его существования в изменяющихся исторических условиях.

Вакфы с точки зрения созданной ими системы социально-благотворительных служб и доходных предприятий, полифункциональной роли в экономике представляли собой автономный институт, служащий интересам общества и государства. Каждый вакф состоял как бы из двух частей: с одной стороны — социальные учреждения, воплощающие в жизнь религиозно-благотворительные задачи вакфа, с другой — доходные объекты, создание и поддержание которых становилось главной задачей администрации вакфа с момента его учреждения.

Османские вакфы функционировали по принципам «свободной» экономики и были избавлены от централизованного управления и жесткого государственного контроля. Обладая особой правосубъектностью (фактически каждый вакф выступал как юридическое лицо), в XV–XVI вв. они превратились в систему религиозно-благотворительных учреждений, расширяющую или, наоборот, сужающую масштабы своей деятельности, следуя за политической конъюнктурой, и отличавшуюся очень значительным культурным, экономическим и социально-политическим потенциалом для жизни Османского государства и общества.

Вакфы принимали на себя целый ряд социальных функций, служа интересам как общества в целом, так и отдельных индивидов. Некоторые вакфы, получавшие налоговые льготы от властей, среди своих бенефициаров указывали вполне определенных людей из числа потомков основателя. Другие, в частности те, которые создавались для под-

держания мечети или помощи бедным, имели в качестве своих бенефициаров жителей определенного района, организации, представителей того или иного социального слоя, профессии. Наконец, можно было различать вакфы по тому, насколько их деятельность «служила исламу», т.е. была религиозной.

Изучение малоазийских вакфов XVIII в. показывает, что только 29 % из них преследовали исключительно религиозные цели, 25 % финансировали деятельность школ, где религия преподавалась наравне с другими дисциплинами. Остальные же 51 % были «нерелигиозными» вакфами, созданными с вполне «светскими задачами» [Yediyıldız, 1990, p. 82]. В то же время в Алеппо было 35 % вакфов, учрежденных для поддержки мечетей или медресе, оставшиеся 65 % служили целям, не связанным с религией [Marcus, 1989, p. 304–305].

Вакфы настолько глубоко были интегрированы в самые разные сектора экономики, что развитие и эволюция османского общества без них была невозможна. «В османские времена, — пишет Бахаэддин Йедийылдыз, — благодаря удивительному по своим масштабам развитию института вакфов человек мог родиться в вакуфном доме, спать в колыбели, приобретенной за деньги вакфа, и питаться на его средства, читать книги из вакуфной библиотеки, а затем стать учителем вакуфной школы и получать жалование от вакфа, наконец, умереть и быть похороненным на кладбище, принадлежащем вакфу, в гробу, также приобретенном на средства вакфа» [Yediyıldız, 1990, p. 5]. Иными словами, вакфы посредством переданной в них собственности могли удовлетворить практически любую потребность человека. Учитывая масштабы деятельности этого института вполне можно говорить о формировании «вакуфного сектора» [Öztürk, 1995, s. 549] в экономике Османского государства.

Основная задача государства, как ее видели османские правители, должна была состоять в обеспечении справедливости и безопасности жизни и имущества. Все остальное — проблемы образования, развития культуры, здравоохранения, помощь бедным и решение целого ряда других ключевых вопросов социальной политики — ложилось на плечи «общественных институтов и организаций». На протяжении всей истории Османской империи именно вакфы создавали, управляли и содержали научно-просветительские учреждения (школы, медресе, *текке* и библиотеки), религиозные институты (соборные и небольшие мечети, молельные площади), муниципальные и социальные службы (больницы, дома умалишенных, приюты, постоянные дворы и гостиницы, имареты и кладбища), а также дороги, мосты, системы водоснабжения и т.д. Многие из этих благотворительных учреждений служили как бедным, так и богатым (мечети, водные источники, дороги, мосты, библиотеки, кладбища), другие — прежде всего малоимущим (имареты, постоянные дворы, больницы). Создаваемые вакфами медресе и школы, особенно начальные, предназначались также в первую очередь

для бедных. Кроме того, существовали вакфы социальной помощи, выплачивающие «пособия» нуждающимся, покупающие одежду сиротам и дающие приют вдовам и т.п.

Как записано в уставном документе вакфа султана Мехмеда II Фатиха о начальной школе, являвшейся частью созданного в Стамбуле *куллие*, преимущество в получении образования должны иметь сироты, если же детей-сирот недостаточно для заполнения школы, то в нее могут быть приняты дети из малообеспеченных семей [Fatih Mehmet II Vakfiyeleri, s. 313/257]. В другой части *вакфие* говорится о материальной помощи сиротам Стамбула вплоть до достижения ими совершеннолетия (ежедневно на это должно выделяться от 100 до 3000 *акче*) [Fatih Mehmet II Vakfiyeleri, s. 329/260].

В *вакфие* Сулеймана Кануни (1520–1566) читаем об обязанности вакфа ежедневно выплачивать 10 *акче* для покупки одежды неимущим сиротам — послушникам религиозных школ, а два раза в год — выдавать им одежду в необходимом количестве, в дополнение к этому — раздавать еду для сирот и детей нищих (дважды в день) и утварь для помещения школы [Kürkçüoğlu, 1962, s. 153–154, 42–43].

Вакф дочери Сейида Ахмед-аги Уммю Гюльсум (1789) в Текирдаге «ежегодно выделял из своих доходов 100 курушей на покупку разнообразной одежды с целью раздать ее бедным в дни Рамазана», вакф Кангалзаде Абдурахмана-паши (1887) «оплачивал похороны бедняков», вакф Кейль Назин Хаджи Мустафа-аги (1822) «оплачивал долги попавших в тюрьму и способствовал их освобождению», вакф Джанфед-ханым (1773) «предоставлял жилье нуждающимся (семейным и бессемейным), выплачивал пособия бедным и вдовам», вакф дочери Абдульфеттах-бея Айше Сыдык-ханым (1865) «занимался женитьбой небогатых девушек и вдов, оплачивал им расходы на свадьбу, покупал одежду», вакф Мехмеда Тахира (1882) обязывал мютевелли распределять излишки дохода (лишь четверть оставалась в вакфе) среди вдов, сирот и нуждающихся мусульман [см.: Öztürk, 1991, s. 1032–1042].

Приведенные выдержки из *вакфие* достаточно четко показывают, как вакфы наряду с такими институтами, как община, ремесленный «цех», торговая корпорация, *махалле* и т.д. брали на себя обширные функции социального обеспечения и защиты. Нередко вакфы даже осуществляли своего рода социальное страхование. Так, вакф мечети Долмабахче (1883) назначил вдове и сыну погибшего при ее реконструкции мастера ежемесячную пенсию в 45 курушей (каждому)¹. Еще один пример, по времени приходящийся на конец XIX в., — назначение пенсии «по инвалидности» мастеру эль-Хадж Мехмеду, упавшему с минарета мечети Селимие во время его реставрации и сломавшему себе

1 | Причем в *вакфие* было предусмотрено еще и назначение пенсии для будущего ребенка погибшего мастера (поскольку его жена в тот момент была беременна) [Öztürk, 2003, s. 30–32].

обе ноги. Султанское Министерство вакфов взяло на себя выплату ему 100 курушей каждый месяц [Öztürk, 2003, s. 30–32].

Рассмотренные примеры позволяют предположить, что вакфы со своей многосторонней деятельностью являлись важным фактором социальной политики: обладая, с одной стороны, сервисно-благотворительными, а с другой, — социально-интегративными функциями. К первым можно отнести весь комплекс общественно-полезной деятельности вакфов в области культуры, образования, городского строительства, реализации социальных программ и т. д. Ко вторым — их направленность на сглаживание различий между социальными слоями и понижение уровня социальной напряженности посредством осуществляемой редистрибуции и распределения доходов [Öztürk, 1986, s. 176–177], стремление вызвать симпатии у местного населения по отношению к государству на вновь завоеванных территориях и, наконец, формирование благоприятного социально-экономического климата, определявшего миграционные процессы и демографический рост населения [Шлыков, 2004, с. 227–228; Шлыков, 2007, с. 429–445].

Культурная жизнь общества также во многом определялась вакфами, за счет которых создавались и существовали все школы, медресе и другие просветительские учреждения любого уровня за исключением военно-технических. Стоит отметить, что столь важный институт в системе просвещения, как библиотеки полностью принадлежал вакфам [Gültepe, 1987, s. 332(16)]. В 1914 г., по данным известного правоведа Эльмаллы Хамди Языра (1877–1942), в Османской империи существовала лишь одна государственная библиотека, которая по количеству книг уступала даже самым небольшим стамбульским вакуфным библиотекам Велюддина-эфенди и Рагып-паши [Elmalılı, 1995, s. 30].

Вместе с тем постепенно продуктивность деятельности и общественная полезность института вакфов снижалась. Отчасти это было вызвано нарастанием финансового и экономического кризиса в империи, индикатором которого стало резкое падение стоимости денег, начавшееся еще в конце XVI в. под влиянием «революции цен» в Европе и стремительно прогрессирующее в XVIII и XIX вв. из-за «порчи монеты». Так, если в XVI–XVII вв. *акче* обесценился в 2–2,5 раза по официальному курсу и в 4 раза на «черном рынке» [Подробнее см.: Мейер, 1975, с. 96–107; Мейер, 1991, с. 20–30], то за период 1740–1844 гг. покупательная способность серебряного *куруша*, по подсчетам американского историка Шарля Иссави, упала примерно в 22 раза [Issawi, 1980, p. 321–326]. Вполне закономерно, что на фоне этих процессов финансово-экономический потенциал вакфов существенно девальвировался, а прежние модели эксплуатации коммерческих объектов оказались малоэффективными. Кроме того, в самой системе вакфов все отчетливее стал проявляться кризис управляемости.

К XIX в. все чаще стала звучать критика в отношении вакфов, их недостаточной эффективности и т.д. Некоторые исследователи, рас-

смаывая «неорганизованный» характер деятельности системы вакфов и связанные с этим проблемы (характерные, впрочем, для многих традиционных институтов Османской империи времен «структурного кризиса»), говорили об определенном негативном влиянии вакфов на социально-экономическую и духовно-культурную жизнь османского социума. По мнению этих авторов, институт вакфа служил разложению общества, поощряя нищенствование через создаваемые им социальные институты (в частности, бесплатные «столовые»), а формирование целого слоя бенефициаров социальной помощи вакфов (*мюртезика*) наносила урон стране, исключая значительную часть общества из активной производительной жизни [Akdağ, 1974, s. 128–129; Cem, 1974, s. 99].

Вакф, замораживая переданное в него имущество, практически исключая его из товарооборота (т. е. используя его вопреки правилам современной экономики), мог служить одной из причин инертности и вялости экономической жизни в стране [Arsebük, 1938, s. 298]. «Бессрочность» и «неотменяемость», предполагавшие не только невозможность конфискации, но и изменения предписанных при учреждении условий использования этой собственности, касалась как целей вакфа, так и средств их достижения. Это правило, если ему следовали, делало некоторые вакфы заложниками своих уставов и функциональной узости.

Недостатки функциональной ригидности вакфов не остались незамеченными современниками. В учредительных документах — *вакфие* — можно найти много примеров того, как принцип неизменности вакфа и его целей смягчался и «обходил». Типичное *вакфие* содержало в себе перечень изменений, которые *мютевелли* имел право осуществить, но только однократно, повторно изменять цели вакфа и «модернизировать» способы их достижения не разрешалось [Akgündüz, 1996, s. 257–70; Little, 1984, p. 317–318]. В более выгодном положении оказывались те из них, которые использовали проверенные временем механизмы распределения благ и поддержания социально-экономической результативности, но и они со временем теряли эффективность.

При этом цель вакфа должна была носить «непреодолимый и вневременной» характер. Хотя этот вопрос всегда оставался дискуссионным, но уставные задачи вакфа могли быть «конечными». Например, помощь жертвам конкретного наводнения. В таких случаях *мютевелли* мог с течением времени изменять бенефициаров вакфа, направляя средства на схожие цели (когда пострадавшие от наводнения опраивались от потерь, подобный вакф мог переключиться на помощь жертвам другого наводнения или же других природных катаклизмов) [Akgündüz, 1996, s. 143–147, 245–248]. Что противоречило правилам, так это использование средств вакфа на какие-то новые, не прописанные в *вакфие* цели, пусть даже и схожие с первыми по своему результату. Иными словами, нельзя было в случае с вакфом помощи жерт-

вам наводнения вместо прямой помощи людям выделять средства на строительство дамб и плотин, уменьшающих негативные последствия природных катаклизмов.

Строгое соблюдение предписаний *вакфие* и принципа «бессрочности и неизменяемости» могло привести и к целому ряду других негативных последствий. Так, если в учредительном документе не предусматривалось выделения дополнительных средств на ремонт и поддержание доходных объектов вакфа, *мютевелли* не мог перераспределить средства на их реконструкцию, урезав ассигнования, скажем, на жалование служащим вакфа. Другой пример, если в *вакфие* предписывалось, что на вакуфной ферме должна выращиваться определенная культура (а не просто та, которая будет наиболее выгодна), то изменить это условие впоследствии не представлялось возможным. Аналогично складывалась ситуация, когда в *вакфие* не предусматривалось увеличение штата служащих. Так в 1789 г. *мютевелли* вакфа Хюррем-султан (Роксоланы) в Иерусалиме (237 лет после основания) отказался от найма денежного менялы и счетовода, несмотря на желание многих служащих ввести в штат специалиста, способного справиться с распределением и использованием возросших денежных потоков [Peri, 1992, p. 184–185].

Перечисленные примеры нельзя, конечно, понимать и интерпретировать буквально. Было бы ошибкой утверждать, что у распорядителей вакфов абсолютно отсутствовала возможность вносить изменения в систему управления вакфом и его доходными объектами. Здесь важно другое — устоявшиеся правила функционирования вакуфной системы поощряли и даже требовали строгого следования предписаниям *вакфие* и «консервативной» трактовки желаний и целей *вакифа*. Наконец, вакфы не могли действовать скоординировано, объединяя свои ресурсы и усилия, если их уставные цели совпадали. Проекты, которые мог эффективно осуществлять один крупный вакф (строительство и ремонт дороги, содержание системы водоснабжения), для нескольких более мелких оказывались крайне затратными. Учредители, впрочем, могли свободно предписывать выделение некой части из доходов своего вакфа более крупному. И отдельные примеры подобного эффективного «объединения ресурсов» (своего рода «пуллинга») имели место в XVIII и XIX вв. [Çizakça, 2000, p. 48]². Однако, если в *вакфие* не было специально прописана возможность такой процедуры, ни один вакф не мог ставить себя в подчиненное положение по отношению к более крупному и становиться источником ресурсов и дотаций для него. Причем даже если подобное «поглощение» и было возможно, каждый вакф продолжал функционировать независимо и самостоятельно. Видный египетский мыслитель

2 | Исследователи различают совместно учрежденные вакфы и объединение ресурсов между вакфами, основанными независимо друг от друга. Оба случая были достаточно редки [Doumani, 1998, p. 38].

XIX в. Рифах ат-Тахтави (1801–1873) отмечал единичность примеров совместных социально-благотворительных проектов на фоне многочисленных индивидуальных пожертвований и семейных вакфов, которые также создавались не на коллективной основе [Cole, 2003, p. 223–238].

В рамках традиционной системы вакфов первостепенное значение имела «воля» основателя, его право устанавливать условия деятельности и функционирования каждого конкретного вакфа, *мютевелли* же воспринимался как исполнитель этих предписаний, в принципе не имеющий права решать дела вакфа, исходя из своих предпочтений и взглядов. Выражаясь языком современной политэкономии, учредитель был патроном-руководителем, а *мютевелли* — лишь его агентом, верным исполнителем директив [Подробнее см.: Mirlrees, 1976, p. 105–131; Williamson, 1985, p. 15–43; Platteau, 2000, p. 10–17]. При этом в ситуации, когда указания, зафиксированные в *вакфие*, не могли прямо использоваться, задача *мютевелли* состояла в наиболее точной интерпретации воли *вакифа* (а не принятии более эффективного управленческого решения). Изменения в методах управления вакфом, очевидно способствующие его большей продуктивности, не могли оправдать пренебрежение и нарушение предписаний *вакфие* (т. е. претензии *мютевелли* на права хозяина, а не слуги). Свобода действий *мютевелли*, даже если она предусматривалась в *вакфие*, ограничивалась местным судьей, главная задача которого также состояла в выполнении воли учредителя. В некотором смысле кадий тоже воспринимался как «исполнитель», ведь он должен был следить за тем, чтобы *мютевелли*-распорядитель скрыто не нарушал предписания *вакфие* под предлогом дополнительных ассигнований на ремонт доходных объектов или смены персонала.

Все эти особенности превращали систему вакфов в механизм, главной целью которого было воспроизводство и сохранение традиции, «ритуала», а не экономическая продуктивность. За длительный временной цикл, особенно в условиях быстро меняющейся экономической и политической конъюнктуры, материальные потери вакфов могли достигать значительных размеров: когда их главные «активы» эксплуатировались неэффективно, а социальная полезность неуклонно падала. Можно предположить, что принцип «неизменяемости» и «бессрочности» вакфа подходил для стабильной и статичной экономической системы, где технологии, вкусы и предпочтения не претерпевали революционных изменений и в рамках одного-двух поколений их трудно вообще было ощутить, не существовало идеи постоянного развития и трансформации разных сфер жизни [Arndt, 1987, p. 9–49]. Именно в таких условиях формировалась система вакфов. Установление строгих и жестких правил управления каждым конкретным вакфом могло способствовать большей щепетильности их распорядителей и защищать интересы предполагаемых бенефициаров, гарантировать осуществ-

ление его социальных функций. Поэтому учредители, действительно заботившиеся об осуществлении социально-благотворительных функций своих вакфов, считали незначительными последствия строгого ограничения свободы *мютевелли* в принятии управленческих решений в сравнении с возможными злоупотреблениями, будь их полномочия более обширными. Той же логикой руководствовались и власти, поддерживавшие принцип «бессрочности и неизменности» вакфов как залог непрерывного осуществления их социальных функций. Даже если предположить, что следование этому принципу было частичным (есть немало примеров, как он нарушался), в рамках меняющейся экономики эффективность системы вакфов весьма уменьшалась [Schoenblum, 1999, p. 1206–1224]³.

Еще один упрек в адрес системы вакфов — их использование как гарантии против возможной конфискации, в частности переданных в вакф земель *мири*, которые тем самым теряли свой статус условных служебных держаний и фактически бессрочно переходили под контроль семьи учредителя (приобретавшей целый ряд дополнительных прав на этот надел). В первые годы существования Османского государства, как пишет Омер Лютфи Баркан, власть строго следила за вопросами собственности на земли *мири*, однако с течением времени ситуация изменилась [Barkan, 1940, s. 14; Onar, 1952, s. 520]. И хотя в большинстве случаев эти наделы передавались в вакфы с религиозно-благотворительными целями, все чаще под прикрытием благотворительности скрывалась другая задача — сохранить имущество в руках своей семьи [Köprülü, 1942, s. 26]. Зоркий обличитель пороков Высокой Порты Кочи-бей Гемюрджинский писал в начале XVII в., что отдельные лица непонятным образом оказываются полными собственниками земли, территорий, которые несколько веков назад были завоеваны в кровопролитных боях и должны принадлежать государству, быть «общей собственностью всех мусульман»... эти люди близки к султану и используют свое привилегированное положение, превращают наделы в семейные вакфы⁴. В своем рисале Кочи-бей задается вопросом о законности подобных образований и считает необходимым организовать султанскую инспекцию всех вакфов, основанных за последние 200 лет [Koçibey, 1972, s. 58–59; Смирнов, 1873; Barnes, 1987, p. 60–66]⁵.

3 | Определенным подтверждением этого тезиса служит ситуация с правовым регулированием вакфов в современных исламских странах. Новые правила предоставляют распорядителю вакфа гораздо большую свободу действий и расширяют круг административных полномочий. Подобно западным трастам, современные вакфы приобретают черты акционерных компаний — внутренне автономных организаций, обладающих статусом юридического лица [Çizakça, 2000, p. 90–109, 119–127].

4 | По вопросу правовых тонкостей таких «превращений» см.: [Barkan, 1944, s. 15–21; Yediylidiz, 1986, s. 157].

5 | Доклад Кочи-бея очень важен как один из первых примеров недовольства системой вакфов на государственном уровне, раздражением по поводу их избытка. Примечательно, что всего лишь за 150 лет до Кочи-бея другой османский историограф Ашикпашазаде резко критиковал стремление отменить ряд вакфов [Выдержки из хроники, 1956, с. 76; Akgündüz, 1996, s. 248–249]. Это различие в оценках института вакфов османскими государственными деятелями отражает общую тенденцию развития системы вакфов, их экспансии, происходившей за счет условных держаний, что влекло за собой серьезные военно-политические последствия [Öztürk, 1995, s. 249].

Необходимость ревизии и контроля над вакфами и их доходами надолго закрепилась среди первоочередных задач внутренней политики Порты. Связано это было с крайней децентрализованностью системы вакфов, невозможностью их строго учета, но, главное, количеством вакфов.

Общее число *вакфие*, зарегистрированных в центральном реестре и хранящихся в Архиве Главного управления вакфов, составляет более 29 тыс. Из этих *вакфие* около 50 относятся еще ко временам малоазийских Сельджукидов [Yınanç, 1944, s. 9]. Однако эти цифры далеки от того, чтобы достоверно показать количество вакфов, созданных и функционировавших в османском обществе [Yediöldüz, 1982b, s. 25; Öztürk, 1995, s. 24]. В сущности, статистически определить их количество крайне сложно, подобную попытку даже не предпринимали многочисленные турецкие и западные исследователи этого института. Сейчас, на основе проведенных изысканий, можно вывести данные о числе вакфов в отдельно взятых регионах в определенный отрезок времени: так, за 77 лет (с 1519 по 1596 гг.) в Стамбуле было основано 2860 вакфов [Barkan, Ayverdi, 1970, s. VIII/Tablo-I.], а в Халебе, например, за период с 1718 по 1800 гг. — 485 [Selçuk, 1965, s. 21–29]. С другой стороны, по данным, приведенным в ряде опубликованных диссертаций, в XVI в. было создано 776 вакфов [Yüksel, 1998a]; в XVII в. — 1663 [Yüksel, 1998b, s. 22]; в XVIII в. — уже 6000 [Yediöldüz, 1990, p. 151], а в XIX в. — более 9000 [Öztürk, 1995, s. 34]. Конечно, все эти цифры не могут считаться окончательными. Например, известный турецкий исследователь Назиф Озтюрк, оценивая деятельность вакфов по архивным материалам, говорит о более, чем 35 000 вакфов, созданных в Османской империи [Ibid., s. 40].

Столь большой разброс в количественных оценках вполне объясним. У османов вплоть до появления в 1586 г. Управления вакфов священных городов Мекки и Медины (*Харамейн Эвкяф Незарети*) [Ibid., s. 68], в 1788 г. Управления вакфов Хамидие и Лялели (*Евкяф-ы Хамидийе ве Лялели Идареси*) [Öztürk, 1983, s. 59; Öztürk, 1995, s. 65–68], наконец, образования в 1826 г. султанского Министерства вакфов (*Эвкяфы Хюмайюн Незарети*) [Yediöldüz, 1982a, s. 153–172] не было единой, централизованной системы контроля и учета вакфов. Поэтому, не проанализировав все судебные (*шерийе сиджили*) и налоговые реестры (*тахрир дефтери*) и целый ряд других документов, невозможно дать точное число созданных и функционирующих вакфов в Османской империи⁶.

До первой четверти XIX в. вакфы, существовавшие на территории Турции, разделялись на три группы: «древние» (*Эвкаф-ы кадиме*),

6 | У османов процедура основания вакфа содержала в себе три этапа: первый — подготовка проекта, далее — строительство благотворительных учреждений (*мюэссетат-ы хайрийе*), ради которых создавался вакф, и определение источников доходов на бессрочное их содержание. Наконец, уже готовое *вакфие* передавалось на одобрение суда, который рассматривал его на специальном слушании. После признания вакфа «законным» его уставные документы копировались и подшивались в книгу судебного реестра (оригинал *вакфие* возвращался учредителю).

учрежденные в доосманские времена, «неистинные» (*Эваф-ы ирсадийе*), созданные на базе земель мира, принадлежащих государству, и, наконец, «истинные» (*Эваф-ы сахиха-и лязиме*), в которые была передана личная (безусловная) собственность [Elmalılı, 1995, s. 112–116]7. Государство напрямую не вмешивалось в их дела (за исключением «древних» и части «неистинных» вакфов) и часто даже не обладало информацией о численности существующих истинных вакфов, поскольку отсутствовала центральная система учета, а регистрация производилась только в шариатских реестрах [Ibid., s. 117].

Вакфы управлялись в соответствии с распоряжениями, указанными в *вакфие* их учредителей и согласно местным традициям. Подобно государственным административным, финансовым, политическим и культурным институтам вакфы с момента своего создания находились под прямым контролем и наблюдением кадиев. Кадии осуществляли постоянный контроль за административной деятельностью мютевелли, могли потребовать отчета, произвести ревизию расходов вакфа и проверить, насколько они соответствуют его уставным целям. При условии сохранения судебного контроля со стороны кадиев, по мере увеличения видов вакфов контрольные функции постепенно стали переходить специальным организациям и административным инстанциям. Передача контрольных функций различным инстанциям подготовила условия для перехода к централизованному управлению вакфами [Akgündüz, 1996, s. 355–357] — созданию Махмудом II (1808–1839) султанского Министерства вакфов (*Эваф-ы Ньюмайюн Незарети*).

Махмуд II и с экономической, и с политической точек зрения был заинтересован в установлении прямого контроля над вакфами и их доходами8. Правительство испытывало хроническую нужду в деньгах, особенно для создания новой армии. Кроме того, *улемы* находились в оппозиции к реформаторской деятельности султана, осуждали его стремление следовать в своих преобразованиях примеру западных стран. Лишив своих противников доходов от вакфов, Махмуд II ослабил бы их не только экономически, но и политически. В 1809 г. султанские вакфы — к тому времени их число приблизилось к 50 — были подчинены особому управлению (*Эваф-ы Хамидийе ве Мюльхакаты Идареси*) [Öztürk, 1995, s. 67–68]. С упразднением *яны-*

7 | Позднеосманская классификация разделяла вакфы: по виду имущества и собственности, переданной в них, — «движимые» и «недвижимые» вакфы (*menkul vakıf — gayrimenkul vakıf*), истинные и неистинные вакфы (*sahih vakıf — irsad-i sahıh vakıf, irsad-i gayri sahıh vakıf*), по сфере деятельности — семейные или благотворительные вакфы (*zürri vakıf — avarız vakıf*), дотирующие членов одной семьи, рода или помогающие нуждающимся какого-то района, области; с точки зрения системы управления — подчиненные напрямую центральной администрации выморочные (*evkaf-i mazbuta*) и находящиеся в управлении *мютевелли*, но под контролем государства, присоединенные вакфы (*evkaf-i milhaka*), наконец, подчиненные исключительно *мютевелли* и находящиеся вне госконтроля «исключенные» вакфы (*müstesna vakıflar*); с точки зрения условий аренды вакфного имущества (*icare-i vahideli vakıflar, icareteynli vakıflar, mukataalı vakıflar*) [см.: Öztürk, 1983, s. 80–116; Akgündüz, 1982, s. 367–369, 441–560; Öztürk, 1995, s. 247–276].

8 | Представление о размерах этих доходов могут дать следующие цифры. Вакфы мечетей Ахмедийе, Сулейманийе и Султан Баязид в Стамбуле приносили соответственно 200, 300 и 400 тыс. курушей в год, мечети Святой Софии (Айя София) — 2 млн. Треть этих сумм оставалась в руках инспекторов-назыров, контролировавших деятельность *мютевелли* [Новичев, 1968, с. 233–234].

чарского корпуса в 1826 г. к этому управлению были присоединены «янычарские» вакфы, а ведомство получило другое название — служба вакфов Хамидие и Махмудие (*Хамидийе ве Махмудийе Мютевелли Каймакамлыгы*) [Hatemi, 1979, s. 330; Akgündüz, 1996, s. 360–364]. Появление этой службы, обладавшей уже достаточно разветвленным аппаратом и контролирувавшей значительное число богатых вакфов, стало последним шагом на пути к учреждению в 1826 г. в рамках начавшихся Танзиматских реформ султанского Министерства вакфов (*Эвакаф-ы Хюмайюн Незарети*) [Hatemi, 1979, s. 330; Akgündüz, 1996, s. 360–364]⁹. В функции нового ведомства входила регистрация актов учреждения вакфов, утверждение назначений *назыров* (инспекторов) и *мютевелли* (управляющих) вакфов, контроль над расходованием средств, получаемых с вакфов (в частности, на содержание богоугодных заведений и выплату жалованья их служащим) и т.д. Однако масштабы, многообразие и степень разветвленности системы вакфов были таковы, что, в сущности, реальная деятельность этого ведомства сводилась по большей части лишь к формальной регистрации решений, принимаемых на местах мусульманскими судьями — кадиями, а также *назырами* и *мютевелли*. Некоторая централизация со стороны султанского Министерства была достигнута относительно расходования средств лишь с султанских вакфов (в том числе вакфов Харамейн). Однако повседневное управление доходной недвижимостью, относящейся к этим вакфам, как и прежде, находилось в руках отдельных лиц на местах. Деятельность же «несултанских» вакфов по-прежнему целиком и полностью определялась *назырами* и *мютевелли* практически без вмешательства центральных властей [Deguilhem, 2002, p. 221]. Механизмы функционирования вакфов оставались вполне традиционными, равно как и назначение должностных лиц, получавших свое жалование из вакуфных средств. Эти назначения, как и прежде, осуществлялись благодаря родственным и личным связям, оформлялись кадиями на основании рекомендаций и свидетельских показаний. Махмуд II старался изменить ситуацию и даже издал в 1835 г. указ о том, чтобы впредь *мютевелли* назначались главой Министерства вакфов¹⁰, чем надеялся поставить в зависимость от правительства управляющих вакфами. Однако и в этом Махмуд II, намеревавшийся поступить с вакфами так же, как с *тимарами* и *зеаматами* — включить их в государственный фонд, не добился большого успеха. По-прежнему вакфы остались больше в ведении улемов и влиятельных *мютевелли*. Не получил Махмуд II и финансовых выгод:

9 | Примечательно, что 30 июня 1826 г. султанским указом было упразднено Бюро конфискации (*Мухаллефат Калем*). Этот акт устранял одну из важных причин превращения имущества в вакф — желание его владельцев избежать конфискации, к которой часто прибегали власти либо с целью пополнить казну, либо потому, что кому-нибудь из крупных ее представителей приглянулось имущество того или иного богача [см.: Новичев, 1968, с. 233–234].

10 | Указ был напечатан в газете «Le Moniteur Ottoman» 30 мая 1835 г. Цит. по: [Новичев, 1968, с. 233–234]. До этого они назначались кадиями.

из-за злоупотреблений чиновников новой вакуфной администрации доходы, поступавшие в казну, были столь низкими, что даже не покрывали расходов, связанных с управлением вакфами. Правительству приходилось давать этой администрации дотацию в сумме 12,5 млн курушей [Ubicini, 1853, p. 272].

По существу, система вакфов оставалась максимально децентрализованной, регулировалась в гораздо большей степени семейными и корпоративными, а не государственными отношениями¹¹. В итоге желание сконцентрировать в одних руках управление разрозненными вакфами, которое впредь должно было исходить из установки на централизацию и выстраивание «властной вертикали», и стремление заставить систему вакфов служить интересам государства, уменьшая тем самым финансово-политическое влияние религиозных кругов [Öztürk, 1995, s. 69–75] — т. е. главные цели и задачи создания министерства так и остались нереализованными, решать их пришлось уже младотуркам и кемалистам. Впоследствии это привело к ослаблению вакуфной системы, сокрушению силы и влияния улемов, наконец, сделало возможным продажу и перераспределение вакуфной собственности.

К концу XIX в. неэффективность деятельности вакфов и рост коррупции в среде их распорядителей и бенефициаров, серьезно испортили общественную «репутацию» самого института, поставили на повестку дня вопрос об оправданности и законности существования обширной и разветвленной системы вакфов. Хотя коррупция была имманентно присуща системе вакфов, алчность *мютевелли* и *вакифов* в XVIII–XIX вв., использование сомнительных с правовой точки зрения механизмов учреждения вакфов, эксплуатации, «замены» и «аренды» вакуфного имущества достигли, по оценкам современников, угрожающих размеров [Kuran, 2005, p. 593–615]. Еще один важный фактор, способствовавший развитию кризисных явлений в системе вакфов — стремление государства играть все более значимую роль в сфере социального обеспечения и благотворительности [Özbek, 2003, p. 203–222; Eper, 2003, p. 186–202] (в 1890-е гг. Абдулхамид II (1876–1909) создал знаменитую Стамбульскую богадельню (*Истанбул Дар’уляджезе Мюэссесеси*), Имперскую детскую больницу «Хамидийе» (*Хамидийе Этфаль Хастане-и Алиси*) и Османское Общество Красного Полумесяца (*Османлы Хилял-и Ахмер Джемиyeti*), ставшее в период правления младотурок очень влиятельной организацией) [Özbek, 1999, p. 1–33].

11 | Примечательно, что созданные в эпоху Танзимата новые органы провинциального управления (меджлисы) осуществляли преимущественно контрольные и регистрационные, но не распорядительные функции. Османский земельный кодекс 1858 г., сыгравший важную роль в процессе легализации превращения государственных земель фактически в частные владения с правом отчуждения, никоим образом не ограничивал сложившуюся систему вакфов. Ни в самом тексте нового закона, ни в последовавших за его изданием мероприятиях не наблюдается попыток властей как-то повлиять на порядок учреждения или функционирования вакфов [Gerber, 1987, p. 65–85; Жантеев, 2006, с. 73–88]. Более того, предоставляя индивидуальным держателям участков государственных земель право распоряжения ими, земельный кодекс тем самым допускал передачу их в вакф, и подобная практика в последней четверти XIX в. приобрела в сирийских провинциях Османской империи довольно широкое распространение [Degüthem, 1991, p. 70–74].

В совокупности все эти факторы подготовили почву для масштабной конфискации вакуфной собственности, осуществлявшейся в начале XX столетия в разных частях Османской империи, а после ее распада — в новых независимых и подмандатных странах региона (Турция, Египет, Сирия, Палестина и т. д.). Постоянная нехватка средств в имперской казне и хронический дефицит бюджета заставлял правительство искать новые источники доходов, именно в таком качестве стали рассматриваться и вакфы. Ранее центральная власть, прекрасно видевшая, что в большинстве случаев вакфы используются для защиты собственности от экспроприации и ухода от налогов, могла позволить себе конфисковать лишь отдельные вакфы, сомнительные по своему происхождению (прежде всего, «неистинные»), вопрос же о систематическом изымании вакуфной собственности вообще не мог быть поставлен (поскольку было очевидно, что подобные акции непременно вызовут резко негативную реакцию населения, всегда встающего на защиту религиозных символов, к которым в прямом смысле слова относились вакфы). Однако к началу XX в. ситуация была уже совсем иной: очевидный упадок и вырождение системы вакфов, о которых открыто говорили и сановники, и общественные деятели, изменили отношение к различным проектам национализации вакфов, сделав их вполне возможными и осуществимыми.

Танзиматские реформы, хотя и оказались неспособны реально изменить положение и функционирование системы вакфов, заложили мину под их автономию и независимость: переподчинение вакфов — по крайней мере, номинальное — султанскому Министерству вакфов было фактическим отрицанием правила неизменности и нерушимости установлений *вакфие* (т. е. воли учредителя). Это означало коренное изменение самой сути института вакфа. Бесчисленное множество семей, относившихся к вакфам как к своей частной собственности — некоему аналогу трастового фонда, увидели, что право распоряжаться средствами их «фондов» постепенно переходит в руки стамбульских сановников. Нередко центральная власть через министерство заставляла отдельные вакфы субсидировать деятельность других вакфов или же выделять средства на нужды, никак не предусмотренные в их *вакфие*: от финансирования проведения парадов, возведения новых дворцов до строительства трамвайных путей и выплаты процентов по государственному долгу [Barnes, 1987, p. 87–118; Öztürk, 1994a, s. 298–309; Öztürk, 1994b, p. 19–42; Çizakça, 2000, p. 79–86]. Причем это было характерно не только для анатолийских провинций, но и для остальных частей Османской империи, где финансовые ресурсы вакфов также направлялись на цели, порой даже противоположные уставным. Иными словами, положения *вакфие* окончательно лишились прежнего «священного» и неприкосновенного статуса [Çizakça, 2000, p. 110–168; Baer, 1968, p. 79–80; Crecelius, 1991, p. 75–78.].

Разные группы османского общества не слишком осуждали подобное отношение к вакфам. Поддержка действий властей шла, в частности, от сторонников вестернизации, видевших в вакфах, ввиду их тесной связи с исламом «реакционный институт» [Körçü, 1942, s. 24–25; Baer, 1968, p. 83–88]. Другие общественные силы, в целом также поддерживавшие реформы, хотя и были убеждены, что в трансформированном виде система вакфов может стать одним из факторов экономического развития, выступали за национализацию вакфов, поскольку это лишало улемов финансово-экономических ресурсов и влияния, которые они нередко использовали для оказания сопротивления реформам и модернизации. Однако в целом османские реформаторы стремились не к полной ликвидации системы вакфов, а лишь к сокращению доли вакуфной собственности как части стратегии по сужению влияния консервативных кругов османского общества, связанных прежде всего с мечетями и религиозными школами. Такова была логика и цели «централизации» системы вакфов: влияние и авторитет улемов, а равно и их политический вес серьезно уменьшались пропорционально сокращению материально-финансовой базы — вакфов, управление и контроль над которыми находились в их руках [Lewis, 1961, p. 92–94; Davison, 1973, p. 257–258].

Вместе с тем все эти общественные группы, вне зависимости от того, были ли они заинтересованы в модернизации или просто в разрушении системы вакфов, с одной стороны, сильно преувеличивали неэффективность и «реакционность» вакфов — с другой, недооценивали недостатки централизованной системы контроля и управления вакфами. Средства, собираемые новыми административными органами, лишь отчасти шли в государственную казну, растраты и присвоение были распространены на всех уровнях, а массовая конфискация вакфов вряд ли способствовала повышению эффективности экономики [Barnes, 1987, p. 118–154; Çizakça, 2000, p. 85–86].

Присвоение вакуфной собственности, в частности вакуфных земель, не было чем-то новым в истории арабо-османского мира¹². В конце XIX — начале XX в. причины для конфискации были самые разные: это и пресечение рода основателя вакфа, и мнимая или реальная некомпетентность *мютевелли*, и отсутствие в *вакфие* четко прописанной процедуры назначения нового *мютевелли* или собственно прекращение «наследственной цепочки» распорядителей [Stephan, 1944, p. 175; Morawitz, 1902, p. 113]. Такая участь постигла многие вакфы мечетей: например, управление вакфом мечети аль-Умари в Вифлее-

12 | Во время оккупации Палестины Египтом при Мухаммаде Али (1769–1849) часть объектов, принадлежащих обширному вакфу Хасеки-султан, была конфискована, а после возвращения региона под власть Османской империи в 1841 г. случаи экспроприации вакфов участились [Barron, 1922, p. 58; Stephan, 1944, p. 175–194, 175]. В этом контексте уместно также вспомнить собственно аграрно-налоговые реформы Мухаммада Али в Египте, важной частью которых были ликвидация «незаконной» вакуфной собственности, экспроприация доходов благотворительных вакфов и т. п. Итогом этих преобразований стали подрыв экономического могущества улемов и суфиев в масштабе всего египетского общества, упрочение зависимости религиозных институтов от государственной власти и снижение степени их автономности по сравнению с предшествующими периодами [Кириллина, 1989, с. 180–186].

ме после того как в 1911 г. его *мютевелли* скончался, перешло в руки Министерства вакфов, т.е. государства [Reiter, 1996, p. 14]. По данным Ицхака Рейтера и Ури Купфершмидта, к началу Первой мировой войны только в Палестине подобным образом было обращено в государственную собственность более 70 крупных вакфов [Reiter, 1996, p. 14–17; Kupferschmidt, 1987, p. 115–116].

Еще одним следствием этого процесса, который можно было бы назвать мягкой «секуляризацией» вакфов, была передача части средств вакфов Министерству просвещения. В данном случае нельзя говорить о конфискации в прямом смысле этого слова. Ведь на протяжении столетий многочисленные благотворительные вакфы (*хайри вақыф*) финансировали культурно-образовательные учреждения. Однако с реформированием системы образования и социального обеспечения, приданием им европейских, вестернизированных черт, сами вакфы и их масштабная, но при этом слабо скоординированная деятельность уже представлялись не благом, а помехой на пути реформ. Следуя установке, что воспитание детей-мусульман, их образование должны стать обязанностью государства, в 1883 г. был издан закон, по которому средства вакфов, изначально предназначавшиеся на содержание мусульманских школ, мечетей и *текке*, должны были быть переданы государственным образовательным учреждениям [Barron, 1922, p. 43, 57; Granott, 1952, p. 140]. Все это позволило к началу XX в. поставить под государственный контроль значительную долю доходов культурно-образовательных вакфов, а также находящиеся у них на содержании медресе и обычные школы.

Отношение младотурок к системе вакфов было еще более негативным, чем у деятелей эпохи Танзимата. После революции 1908 г. общественная критика института вакфа достигла своего апогея [Köprülü, 1942, s. 34], а центральная власть укрепилась в своем намерении передать имущество и финансовые активы вакфов в государственную казну [Barron, 1922, p. 59; Massignon, 1951, p. 82]. Это было неотъемлемой частью разгоревшейся с новой силой дискуссии о месте и роли религии в жизни государства и общества. Сторонники исламистских движений отстаивали идею фундаментальной роли ислама в социальной и политической жизни страны [Tunaya, 1962]. Западники и сторонники турецкого национализма, которые хотя и говорили о своей приверженности исламу, но, желая видеть его «модернизированным и отуреченным», призывали покончить с вмешательством религии в мирские дела [Dumont, 1984, p. 37, 25–45]. В 1917 г. в рамках законодательной реформы административные органы вакфов были подчинены Министерству финансов. С точки зрения младотурок, это должно было направить ресурсы вакфов на благо общества, поскольку сохранявшаяся независимость вакфов воспринималась ими край-

не негативно¹³. Таким образом, младотурки фактически подготовили кемалистские реформы института вакфа в 1920-е и 1930-е гг., больше похожие на попытку его ликвидации. Практически все, что происходило с вакфами в первые годы существования республики — от окончательной секуляризации системы медресе (по закону об объединении образования¹⁴) до перераспределения вакуфных земель (по закону о наделении землей¹⁵) и распродажи недвижимости вакфов (по закону о вакфах 1935 г.¹⁶), — так или иначе проговаривалось, а иногда и практиковалось в конце XIX и начале XX в.

13 | Зия Гёкальп по этому поводу высказался в одной из своих поэм: «Всякий вакф есть некое божественное учреждение, у него свои законы, свои чиновники, свой бюджет... Течет время, а служба в этом диване ничуть не изменилась... Ведь надзиратель вакфа — это «рука мертвеца»... Но почему же бразды правления живыми находятся в руках у мертвых? Почему защищается этот порядок незыблемости и неизменности (*вакафа*) в стране турок, которая стремится вперед?» [Gökalp, 1976, s. 35].

14 | 430 Sayılı Tevhid–I Tedrisat Kanunu.

15 | Çitfçiyi Topraklandırma Kanunu (4753 Sayılı ve 11/6/1945 Tarihli).

16 | 2762 Sayılı Vakıflar Kanunu.

Источники и литература

- Выдержки из хроники, 1956 — Выдержки из хроники Ашикпашазаде «Теварих-и Ал-и Осман» («Османская династическая история») // Краткие сообщения Института востоковедения. Т. XXII. М., 1956.
- Жантиев, 2006 — *Жантиев Д.Р.* Исламские религиозные институты как фактор сохранения традиционных социальных отношений в Османской империи в XIX в. (на примере Сирийских вилайетов) // *Meurefiana: Сборник статей, посвященный 70-летию М.С. Мейера*. Т. 1. М., 2006.
- Кириллина, 1989 — *Кириллина С.А.* Ислам в общественной жизни Египта (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 1989.
- Мейер, 1975 — *Мейер М.С.* Влияние «революции цен» в Европе на Османскую империю // *Народы Азии и Африки*. 1975, № 1.
- Мейер, 1991 — *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М., 1991.
- Новичев, 1968 — *Новичев А.Д.* История Турции. Т. II. Новое время Ч. 1 (1792–1839). Л., 1968.
- Смирнов, 1873 — *Смирнов В.Д.* Кочибей Гемюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
- Шлыков, 2004 — *Шлыков П.В.* Институт вакфа в Анатолийских провинциях Османской Империи XVI в. (по материалам бейлербейлика Диярбекир) // *Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сборник научных трудов Северокавказского регионального отделения Международной научной ассоциации болгаристов*. Вып. 2 (9). Махачкала, 2004.
- Шлыков, 2007 — Шлыков П.В.* Институт вакфа и его роль в экономической и социально-политической жизни османского общества XVI в. // *Международный конгресс востоковедов: труды*. Т. 1. М., 2007.
- Шлыков, 2011 — *Шлыков П.В.* Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М., 2011.
- 2762 Sayılı Vakıflar Kanunu // RG, 13/06/1935, Sayı 3027; *Düstur*. Tertip III, Cilt XXI. Ankara, 1936.
- 430 Sayılı Tevhid–I Tedrisat Kanunu. // RG, 06/03/1340 (1924), Sayı 63; *Düstur*, Tertip III, Cilt V. Ankara, 1931.
- Akdağ, 1974 — *Akdağ M.* Türkiye'nin İktisadî ve İçtimai Tarihi (1453–1559). Cilt II. İstanbul, 1974.
- Akgündüz, 1996 — *Akgündüz A.* İslam Hukukunda ve Osmanlı Tatbikatında Vakıf Müessesesi. İstanbul, 1996.
- Arndt, 1987 — *Arndt H.W.* Economic Development: The History of an Idea. Chicago, 1987.
- Arsebük, 1938 — *Arsebük E.* Medenî Hukuk, Başlangıç ve Şahsın Hukuku. C. I. Ankara, 1938.
- Baer, 1968 — *Baer G.* Waqf Reform // *Studies in the Social History of Modern Egypt*. Chicago, 1968.
- Barkan, 1944 — *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Toprak Vakıflarının İdarî-Malî Muhtariyet Meselesi // *Türk Hukuk Tarihi Dergisi*. 1944, no.1.
- Barkan, Ayverdi, 1970 — *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H.* İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970.
- Barnes, 1987 — *Barnes R.J.* An Introduction to Religious Foundation in the Ottoman Empire. Leiden, 1987.

- Barron, 1922 — *Barron J.B.* Mohammedan Wakfs in Palestine. Jerusalem, 1922.
- Cem, 1974 — *Cem İ.* Türkiye'deki Geri Kalmışlığın Tarihi. İstanbul, 1974.
- Çiftçi Topraklandırma Kanunu (4753 Sayılı ve 11/6/1945 Tarihli) // RG, 15/06/1945, Sayı 6032; Düstur. Tertip III, Cilt XXVI. Ankara, 1945.
- Çizakça, 2000 — *Çizakça M.* A History of Philanthropic Foundations: The Islamic World from the Seventh Century to the Present. İstanbul, 2000.
- Cole, 2003 — *Cole J.R.I.* Al-Tahtawi on Poverty and Welfare // Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts. N.Y., 2003.
- Crecelius, 1991 — *Crecelius D.* The Waqf of Muhammad Bey Abu Al-Dhabab in Historical Perspective // International Journal of Middle East Studies. 1991, vol. 23.
- Davison, 1973 — *Davison R.H.* Reform in the Ottoman Empire, 1856–1876. N.-Y., [1963] 1973.
- Deguilhem, 1991 — *Deguilhem R.* Waqf Documents: a Multi-Purpose Historical Source. The Case of Damascus in the 19th Century // Les Villes dans l'Empire Ottoman: Activités et Sociétés. T. I. P., 1991.
- Deguilhem, 2002 — *Deguilhem R.* Centralised Authority and Local Decisional Power: Management of the Endowments in Late Ottoman Damascus // The Empire in the City. Arab Provincial Capitals in the Late Ottoman Empire. Beirut, 2002.
- Doumani, 1998 — *Doumani B.* Endowing Family: Waqf, Property Devolution, and Gender in Greater Syria, 1800 to 1860 // Comparative Studies in Society & History. Vol. 40, Issue I (January 1998).
- Dumont, 1984 — *Dumont P.* The Origins of Kemalist Ideology // Atatürk and the Modernization of Turkey. Leiden, 1984.
- Elmalılı, 1995 — *Elmalılı M.* Hamdi Yazır Gözüyle Vakıflar. Ankara, 1995.
- Ener, 2003 — *Ener M.* The Charity of the Khedive // Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts. N.Y., 2003.
- Fatih Mehmed II Vakfiyeleri (861/1456). Ankara, 1938.
- Gerber, 1987 — *Gerber H.* The Social Origins of the Modern Middle East. L., 1987.
- Gökalp, 1976 — *Gökalp Z.* Yeni Hayata Doğru Yol. Ankara, 1976.
- Granott, 1952 — *Granott A.* The Land System in Palestine — History and Structure. L., 1952.
- Gültepe, 1987 — *Gültepe N.* Vakıf Kütüphaneciliğinin Müesseseseleşmesi. İstanbul, 1987.
- Hatemi, 1979 — *Hatemi H.* Medeni Hukuk Tüzelkişileri I. İstanbul, 1979.
- Issawi, 1980 — *Issawi Ch.* The Economic History of Turkey 1800–1914. Chicago-London, 1980.
- Koçibey, 1972 — *Koçibey M.* Koçibey Risalesi (1041/1631) (Sadeleştiren: Zuhuri Danışman). İstanbul, 1972.
- Köprülü, 1942 — *Köprülü F.* Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü. // VD, Sayı II. Ankara, 1942.
- Kupferschmidt, 1987 — *Kupferschmidt U.M.* The Supreme Muslim Council: Islam under the British Mandate for Palestine. Leiden, 1987.
- Kuran, 2005 — *Kuran T.* The Logic of Financial Westernization in the Middle East // Journal of Economic Behavior & Organization. Vol. 56 (2005), pp. 593–615.
- Kürkçüoğlu, 1962 — *Kürkçüoğlu K.E.* Süleymaniye Vakfiyesi. Ankara, 1962.
- Lewis, 1961 — *Lewis B.* The Emergence of Modern Turkey. 2nd ed. L., 1961.
- Little, 1984 — *Little D.P.* A Catalogue of the Islamic Documents from al-Haram al-Sarif in Jerusalem. Beirut, 1984.
- Marcus, 1989 — *Marcus A.* The Middle East on the Eve of Modernity: Aleppo in the 18th Century. N.-Y., 1989.
- Massignon, 1951, 1953 — *Massignon L.* Documents sur certains waqfs des lieux saints de l'Islam principalement sur le waqf Tamimi à Hebron et sur le waqf tlemcénien Abu Madyan à Jérusalem // Revue des Études Islamiques. Vol. 19 (1951), pp. 73–120; Vol. 21 (1953).
- Mirrlees, 1976 — *Mirrlees J.A.* The Optimal Structure of Incentives and Authority within an Organization // Bell Journal of Economics. 1976, vol. 7.

- Morawitz, 1902 — *Morawitz Ch.* Les finances de la Turquie. P., 1902.
- Onar, 1952 — *Onar S.* Sami, İdare Hukukunun Umumi Esasları. İstanbul, 1952.
- Özbek, 1999 — *Özbek N.* The Politics of Poor Relief in the Late Ottoman Empire: 1876–1914 // *New Perspectives on Turkey*. Fall 1999, № 21.
- Özbek, 2003 — *Özbek N.* Imperial Gifts and Sultanic Legitimation during the Reign of Sultan Abdülhamid II, 1876–1909 // *Poverty and Charity in Middle Eastern Contexts*. N.-Y., 2003.
- Öztürk, 1983 — *Öztürk N.* Menşe'i ve Tarihi Gelişimi Açısından Vakıflar. Ankara, 1983.
- Öztürk, 1986 — *Öztürk N.* Vakıfların İdaresi ve Teşkilât Yapısı Üzerine Düşünceler. // I. Vakıf Şurası, 3–5 Aralık 1985. Ankara, 1986.
- Öztürk, 1991 — *Öztürk N.* Aile Vakıfları // *Türk Aile Ansiklopedisi*. Cilt III. Ankara, 1991.
- Öztürk, 1994a — *Öztürk N.* Osmanlılar'da Vakıfların Merkezi Otoriteye Bağlanması ve Sonuçları // *Waqf dans le Monde Musulman Contemporain (XIXe–XXe Siècles)*. İstanbul, 1994.
- Öztürk, 1994b — *Öztürk N.* Batılılaşma Döneminde Vakıfların Çözülmesine Yol Açan Uygulamalar // *VD, Sayı XXIII*. Ankara, 1994.
- Öztürk, 1995 — *Öztürk N.* Türk Yenileşme Tarihi Çerçevesinde Vakıf Müessesesi. Ankara, 1995.
- Öztürk, 2003 — *Öztürk N.* Azınlık Vakıfları. Ankara, 2003.
- Peri, 1992 — *Peri O.* Waqf and Ottoman Welfare Policy: The Poor Kitchen of Hasseki Sultan in Eighteenth-Century Ottoman Jerusalem // *Journal of the Economic & Social History of the Orient*. 1992, vol. 35.
- Platteau, 2000 — *Platteau J.-P.* Institutions, Social Norms, and Economic Development. Amsterdam, 2000.
- Reiter, 1996 — *Reiter Y.* Islamic Endowments in Jerusalem under British Mandate. L., 1996.
- Schoenblum, 1999 — *Schoenblum J.A.* The Role of Legal Doctrine in the Decline of the Islamic Waqf: A Comparison with the Trust // *Vanderbilt Journal of Transnational Law*. 1999, vol. 32.
- Selçuk, 1965 — *Selçuk F.* Vakıflar (Başlangıçtan 18. Yüzyıla Kadar) // *VD, Sayı VI*. Ankara, 1965.
- Stephan, 1944 — *Stephan S.H.* An Endowment Deed of Khasseki Sultan Dated the 24th May 1552 // *Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine*. 1944, vol. 10.
- Tunaya, 1962 — *Tunaya T.Z.* İslâmcılık Cereyanı. İstanbul, 1962.
- Ubicini, 1853 — *Ubicini A.* Lettres sur la Turquie. T. I. P., 1853.
- Williamson, 1985 — *Williamson O.E.* The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. N.Y., 1985.
- Yediyıldız, 1982a — *Yediyıldız B.* Müessesesi-Toplum Münâbetleri Çerçevesinde XVIII. Asır Türk Toplumunu ve Vakıf Müessesesi // *Vakıflar dergisi*. Ankara, 1982, sa. XV.
- Yediyıldız, 1982b — *Yediyıldız B.* Vakıf Müessesenin XVIII. Asır Türk Toplumundaki Rolü // *Vakıflar dergisi*. Ankara, 1982, sa. XIV.
- Yediyıldız, 1986 — *Yediyıldız B.* Vakıf // *İslâm Ansiklopedisi*. Cilt XIII. İstanbul, 1986.
- Yediyıldız, 1990 — *Yediyıldız B.* Institution du Waqf au XVIIIe Siècle en Turquie: Étude Socio-Historique. Ankara, 1990.
- Yınanç, 1944 — *Yınanç M.H.* Selçuklu Devri Türkiye Tarihi I, Anadolu'nun Fethi. İstanbul, 1944.
- Yüksel, 1998a — *Yüksel H.* Osmanlı Sosyal ve Ekonomik Hayatında Vakıfların Rolü (1585–1683). Sivas, 1998.
- Yüksel, 1998b — *Yüksel H.* XVI. Yüzyılda Osmanlı Vakıfları // *Halil İnalçık Hatıra Sayısı*. İstanbul, 1998.